

ПРИЕЗДЪ ВЪ ТЕРИБЕРКУ

Въ начале іюня Андрей Первозванный зашелъ въ становище Териберку. Здесь промышляли наши боты. Мне предстояло сменить въ Териберке одного изъ товарищей, который до этого времени наблюдалъ за работой ботовъ. Въ Териберке мы нашли и наше второе судно «Помор», работами котораго руководилъ Всеволодъ Феликсовичъ. Я былъ очень радъ встретиться съ нимъ, такъ какъ рассчитывалъ на его помощь при ознакомлении съ промысломъ и промышленниками.

— Позвольте прежде всего познакомить васъ съ Териберкой. Это одно изъ самыхъ крупныхъ становищъ Мурмана. Главный недостатокъ Мурмана, какъ промысловаго берега, заключается въ томъ, что на всемъ его протяженіи мало удобныхъ и хорошо защищенныхъ стоянокъ для судовъ. На западъ вы видели Мотовскій и Кольскій заливы; тамъ стоянокъ для судовъ сколько угодно, но Мурманскій промыселъ сосредоточенъ главнымъ образомъ въ среднемъ Мурмане, где ничего, напоминающаго фіорды и шхеры, нетъ. Берегъ изрезанъ очень мало. Только небольшія, открытыя на северъ губы, въ которыя впадаютъ реки Кольскаго полуострова, могутъ дать пристанище судамъ въ непогоду. Около такихъ губъ и расположены промысловыя становища и колоніи. Вотъ предъ вами Териберская губа. Это, какъ вы видите, целый заливъ! Онъ въ общемъ тоже ничемъ не защищенъ отъ северныхъ ветровъ, но здесь есть целый рядъ

небольшихъ губъ, закрытыхъ довольно хорошо. Вотъ эта губа, въ которой стоитъ теперь «Поморь», и на берегу которой находимся мы съ вами, называется Лодейной. Но становище расположено не здесь. Видите тамъ песчаную отмель, на ней домики, а немного слева маленькая церковь — это и есть становище. Тамъ впадаетъ река, и рыбачьи суда стоятъ въ устье ея.

— Да, но ведь устье тоже не защищено съ севера! — заметилъ я.

Лодейная губа летом.

— Нетъ защищено, но только подводнымъ барьеромъ, котораго вы теперь не видите. На некоторомъ разстояніи отъ устья изъ песка и камней, выносимыхъ рекою, образовался баръ, отмель, или, какъ называютъ его поморы, «егра». Въ бурю здесь и разбиваются волны. Въ тихую погоду черезъ

егру рыбацки суда проходятъ совершенно свободно, но при шторме здесь вздымаются такія волны, что пробраться можно въ устье только черезъ узкія ворота, которыя прорываются въ баре вешними водами. Конечно, попасть въ нихъ удастся не всегда, и каждый годъ здесь бывають несчастья.

— А что это здесь за строенія?

— Это факторія одного рыбопромышленника и скупщика рыбы. Вотъ тамъ его пристань. Здесь же и его квартира, а также амбары для соли и рыбы; вотъ, эти небольшіе домики — казармы для рабочихъ.

— Что же, онъ самъ занимается промысломъ?

— Да, у него есть суда, на которыхъ промышляютъ наемные рабочіе. Главнымъ образомъ онъ скупаетъ рыбу. Вонъ стоятъ большія парусныя суда; они теперь грузятся рыбой, а потомъ пойдутъ съ нею въ Петербургъ.

Мы пошли по берегу, усеянному крупной галькой, къ небольшому домику. По пути мы проходили мимо лавки.

— Эта лавка тоже принадлежитъ къ факторіи. Зайдемте! Здесь вы найдете все, что нужно промышленнику.

Въ небольшой лавочке действительно было все, начиная отъ чая, сахара, конфетъ и пряниковъ вплоть до сапоговъ и готоваго платья. Но главный товаръ составляла промысловая снасть.

Обратите внимание на эту веревку, — сказалъ Всеволодъ Феликсовичъ, показывая мне мотокъ англійской бичевки толщиною миллиметровъ въ 5—6. — Это «стоянка», съ которой

вы скоро познакомитесь очень хорошо; каждый такой мотокъ содержитъ въ себе около 50 маховыхъ саженой бичевки. А вотъ это тоже вамъ необходимо знать! — И онъ показаль мне другой мотокъ бичевки толщиною около 2 миллиметровъ. — Она употребляется на *форшни*, т.-е. те маленькія веревочки, къ которымъ прикрепляются крючки яруса. Скоро все это вы будете знать не хуже меня.

Въ несколькихъ шагахъ былъ и «мой домъ». Комната, въ которой мне предстояло жить, была вполне хороша; въ ней было 2 кровати, одинъ столъ для работы и другой большой — обеденный, несколько стульевъ... Но лучше всего былъ видъ изъ оконъ! Вся Териберская губа была какъ на ладони. На переднемъ плане — корабли факториста, «Поморъ», наши боты и другія суда, въ Лодейной губе, а затемъ — широкая, широкая сверкающая на солнце гладь залива, ограниченная невысокими скалами восточнаго берега. Кое-где белели паруса, и виднелись стильные силуэты норвежскихъ норляндботовъ.... Все это было такъ красочно и такъ не похоже на крайний северъ!

— А кто же меня здесь кормить будетъ? — интересовался я.

— Не беспокойтесь. Здесь все налажено. Вотъ я васъ сейчасъ познакомлю съ фру Ингеборъ. Это жена одного норвежца колониста. Она вамъ и обедъ приготовить и самоваръ поставить. Когда завоетъ штормъ, да если еще васъ на промысле вымочить, какъ следуетъ, тогда вы съ наслаждешемъ будете сидеть здесь за самоварчикомъ съ книгой въ руке. Это не хуже, чемъ где-либо на даче. Вотъ

только ночи неть! Меня страшно раздражает это незаходящее солнце и этот непрерывный день. Фру Ингеборь! — крикнуль Всеволодь Феликсовичь, открывь дверь.

Къ намъ вошла низенькая, толстенъкая, очень опрятная старушка съ краснымъ, какъ піонь лицомъ. Всеволодь Феликсовичь началъ объяснять ей, что я буду теперь жить здесь, и что мне нужень будетъ обедъ, ужинъ и т. п. Но что это былъ за разговоръ!? Мы не говорили по норвежски, а фру Ингеборь знала только этотъ языкъ. Не знаю, много ли она поняла изъ того, что говорилъ мой товарищъ, хотя онъ и пустиль въ ходъ все свои познанія: въ его речи были и русскія, и немецкія, и норвежскія слова и все это дополнялось самой выразительной мимикой. Какъ показало будущее, мы столковались довольно хорошо: я не голодалъ и въ свое время получалъ самоваръ.

— Главное сделано — сказалаь Всеволодь Феликсовичь. — Теперь, я думаю, вы не откажетесь пройтись пешкомъ до Териберки, а впрочемъ, если хотите, можемъ отправиться туда на шлюпке.

Я предпочель пройтись. После жизни на пароходе мне, сухопутному человеку, такъ пріятно было размяться и почувствовать подъ ногами твердую почву.

Весна вступала въ свои права. Хотя снегу было еще довольно много, но на проталинкахъ везде уже зазеленела жалкая северная растительность. Меня поразило, что многія растенія уже цвели. Въ этомъ сказывалось приспособленіе ихъ

къ суровому климату севера: имъ необходимо было возможно скорее зацвести, чтобъ успеть въ теченіе короткаго полярнаго лета дать плоды.

Мы шли по берегу залива. Высокой гранитной почти отвесной скалой поднимался онъ изъ синевшаго внизу моря.

— Мне бы хотелось, — обратился я къ Всеволоду Феликсовичу — познакомиться съ промысломъ во всехъ его деталяхъ, начиная отъ лова наживки вплоть до засолки рыбы.

— Отлично! — сказалъ Всеволодъ Феликсовичъ. — Мне все равно придется несколько дней провести въ Териберке. Я присмотрю за ботами, а васъ познакомлю съ однимъ очень толковымъ поморомъ, съ которымъ вы и отправитесь на промыселъ. Увидите, что такое шняка, и тогда поймете, какъ судно можетъ вліять на развитіе промысла.

— Это именно то, къ чему я стремлюсь. Скажите, пожалуйста, почему это здесь везде такъ разделяють колонистовъ и поморовъ?

— Въ настоящее время стремятся колонизовать Мурмань. Конечно, жизнь здесь тяжела. Вотъ намъ теперь надоедаетъ непрерывный полярный день, но во сколько разъ тяжелее такая же непрерывная полярная ночь! Отсутствіе света и недостатокъ свежихъ продуктовъ ведутъ къ тому, что чуть не поголовно вся колонія лежитъ въ цынге. Путей сообщенія никакихъ, такъ какъ пароходство съ осени прекращается, а на шлюпке далеко не уедешь: здесь зимою очень часты штормы и штормы ужасные. Какъ видите, условія жизни далеко не блестящія. Чтобы привлечь колонистовъ, въ последнее время

имъ выдается значительная денежная сумма на первое обзаведеніе, и предоставляется рядъ другихъ льготъ. Но сплошь и рядомъ эта мера имеетъ и другіе стороны: привлеченные подачкой, на Мурманъ часто идутъ люди, которымъ нечего больше терять въ жизни; часто это люди, непривыкшіе къ морю и не любящіе его. Ну, какіе же это промышленники? И вы прислушайтесь, въ устахъ помора названіе колониста звучитъ довольно-таки презрительно. Совершенно иной элементъ представляютъ собою колонисты шведы, норвежцы, финляндцы... Вы были на Кильдине у Эриксона?

— Нетъ.

— Ну, вотъ, когда побываете, тогда увидите, что такое настоящій житель крайняго севера! Поморы въ большинства для Мурмана — элементъ пришлый. Это — жители Архангельской, отчасти Вологодской и другихъ губерній, которые являются сюда только на лето исключительно ради промысла. Они — прирожденные моряки. Это ведь потомки техъ отважныхъ мореплавателей, которые на утлыхъ суденышкахъ ходили на Медвежій островъ, Новую Землю и Шпицбергенъ.

Мы не заметили, какъ начался спускъ. Вскоре мы были на левомъ берегу довольно широкой реки. Везде стояли рыбачьи суда. Среди массы тяжелыхъ шнякъ сразу бросались въ глаза стильныя легкія «елы» типа норвежскаго норландбота. На противоположномъ берегу раскинулась Териберка. Всеволодъ Феликсовичъ крикнулъ; намъ дали «карбась», небольшую

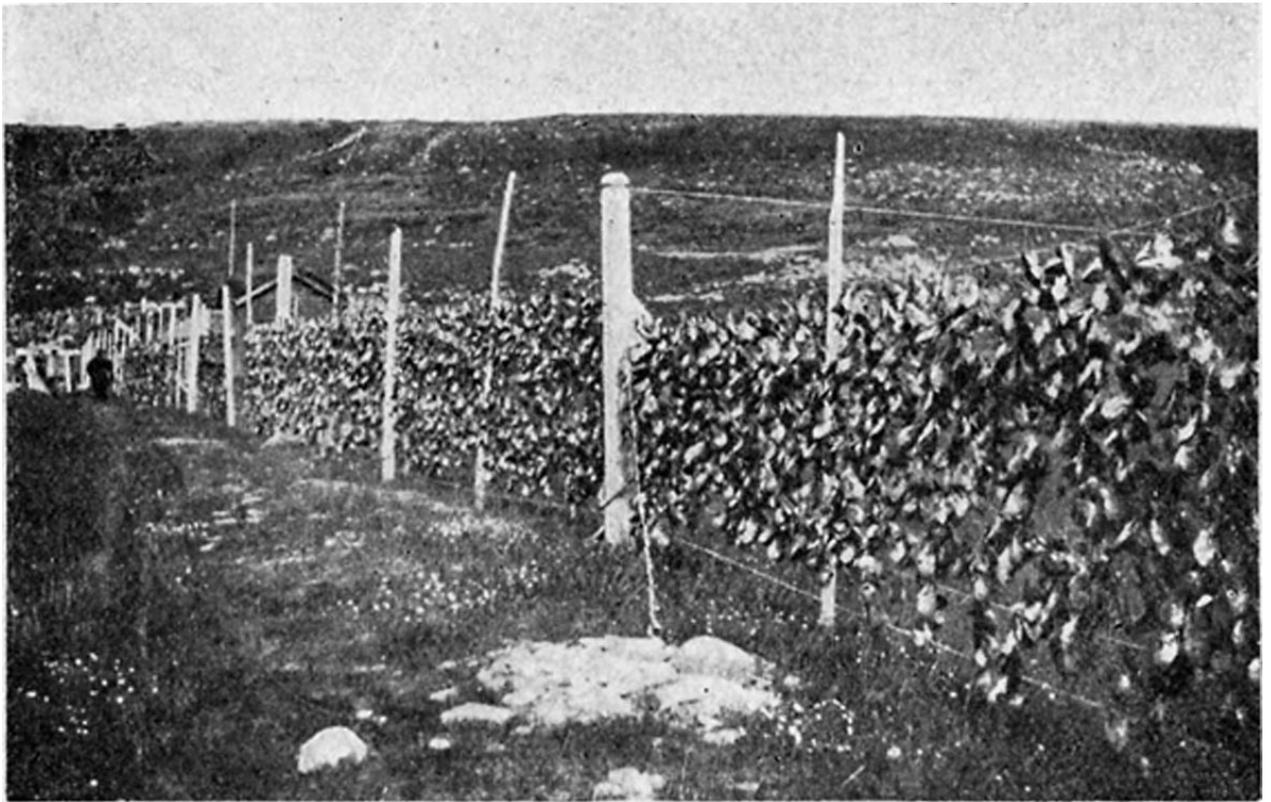
Устье реки Териберка.

шлюпку, и скоро мы были на другомъ берегу реки, покрытомъ чистымъ белымъ пескомъ.

Мне казалось, что я попалъ въ обыкновенную русскую деревню; не было только въ ней того уюта и опрятности, которые такъ характерны для поселеній, напримеръ, Новгородской губерніи. Вдоль улицы довольно часто попадались большія избы съ 2 — 3 окнами по фасаду съ расписными ставнями по бокамъ. Возле такихъ домиковъ иногда былъ и заборчикъ, окружающій небольшой дворъ. Все это были дома колонистовъ. Рядомъ съ ними попадались кое-какъ сколоченныя избушки безъ всякаго намека на заборъ или дворъ; это — «станъ», жилище поморовъ, приходящихъ только на летній промыселъ.

— А это что такое? — съ удивленіемъ спросилъ я, увидевъ совсемъ странную для меня картину: между столбиками натянуты веревки, покрытыя какими-то небольшими серыми предметами... Когда мы подошли, оказалось, что это масса тресковыхъ головъ, развешенныхъ для просушки. Они еще не высохли, и въ нихъ копашилась масса «червей»,— личинокъ какихъ-то насекомыхъ.

— Дело въ томъ, — сказалъ Всеволодъ Феликсовичъ, — что всю рыбу промышленники сейчасъ же после промысла сдаютъ скупщикамъ, головы вы же, которыя при разделке отрезаются, оставляютъ себе и потомъ сушатъ. Несмотря на такой неаппетитный видъ, ихъ зимою едятъ, а колонисты ими же часто кормятъ овецъ.

Сушка тресковых головъ

Везде висели на кольяхъ и просушивались невода; возле становъ сидели поморы и распутывали яруса. Открытое выражение загорелаго почти бронзоваго лица, несколько суровый, но прямой взглядъ, здоровая и стройная фигура — вотъ типичныя черты поморовъ. Были между ними и довольно пожилые, и молодые люди, и мальчики лет 10—12, такъ называемые «зуйки»; они помогаютъ распутывать снасть, варятъ пищу и въ то же время приучаются къ промысловой жизни. Совсемъ не видно было стариковъ и детей, и очень редко встречались женщины; это понятно: на Мурманъ приезжаетъ только крепкое мужское население, если не считать зуйковъ.

Ни поросятъ, ни телятъ; ни домашней птицы, этихъ постоянныхъ обитателей русской деревенской улицы, мы не видели. Только несколько исхудалыхъ овецъ пощипывали едва пробивающуюся травку.

Для промысла поморы соединяются въ группы по 3 или по 4 человека. Старшимъ въ этой небольшой артели является «корщикъ», последній обыкновенно является хозяиномъ судна и снасти. Часто это — отецъ съ двумя или тремя сыновьями.

— Вотъ я васъ сейчасъ познакомлю съ однимъ очень толковымъ корщикомъ; съ нимъ вы и пойдете на промысль, — говорилъ Всеволодъ Феликсовичъ, подходя къ довольно большой избе-«стану».

Около сидели 2 молодыхъ помора и распутывали ярусъ.

— Здравствуй, Андрей! Отецъ дома?

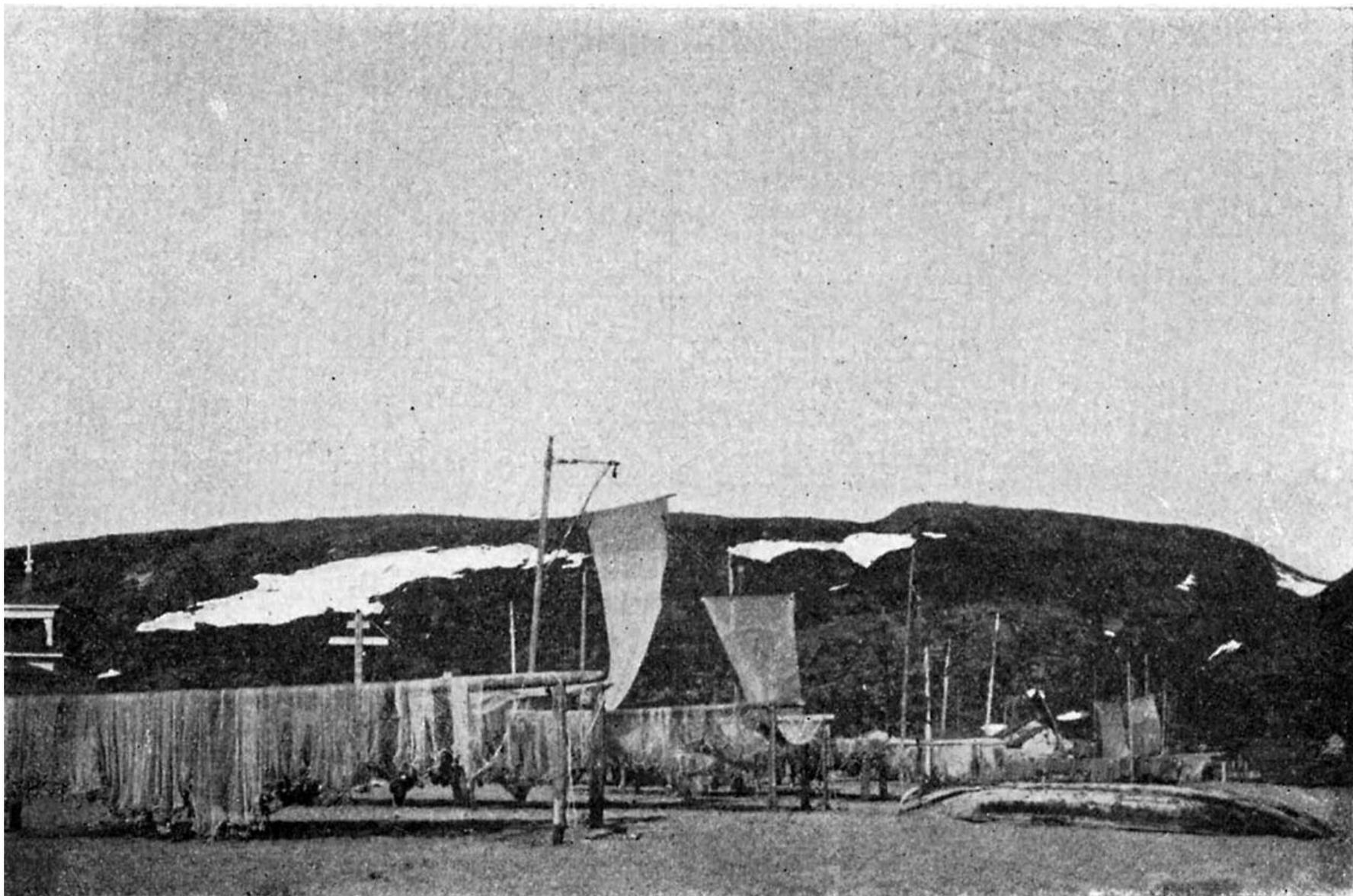
— Здравствуйте, Всеволодъ Феликсовичъ! Дома. Зайдите въ избу.

Мы зашли. Изба, какъ изба. Въ переднемъ углу — икона, и подъ ней — столъ; у стень — нары съ наваленнымъ на нихъ платьемъ и постелью; справа отъ входа — небольшая печь; прямо противъ двери — 3 небольшихъ окна.

При нашемъ входе съ нарь поднялся высокій человекъ съ небольшой русой бородой по виду летъ 45.

— Здравствуйте, Григорій! Вотъ мы къ вамъ въ гости пришли. Это мой товарищъ Константинъ Павловичъ.

— Здравствуйте! Милости просимъ, садитесь пожалуйста!

Невода сушатся

— У насъ къ вамъ дело! Вотъ Константинъ Павловичъ хочетъ у васъ промыслу обучиться. Не возьмете ли вы его съ собой въ море?

— Ну, чему ужъ вамъ у насъ учиться? А если ужъ охота такая, что-жъ, милости просимъ, пойдете!

— Только вотъ что, Григорій, вы ужъ, пожалуйста, покажите Константину Павловичу все: какъ и наживку ловятъ, какъ и ярусъ наживляютъ, словомъ — всю вашу поморскую науку.

— И это можно! Вотъ какъ пойдёмъ съ ребятами на «песокъ», такъ вы къ намъ и пожалуйста. А за показъ мы вамъ работу зададимъ, съ ребятами неводъ тянуть. — И Григорій добродушно засмеялся.

— Я съ удовольствіемъ, только сумею ли?

— Ну, мудрость небольшая!

— А когда же пойдете наживку ловить? — спросилъ я.

— Да къ вечеру, въ «тихую воду».

Я хоть и не понялъ, что это значить «тихая вода», но не спросилъ изъ боязни обнаружить свою полную «необразованность».

Мы распростились, Григорій пошелъ насъ проводить.

— Вотъ вамъ первая наука, Константинъ Павловичъ — сказалъ онъ, когда мы вышли изъ избы. — Посмотрите какъ ребята ярусъ глушатъ.

— Единицей яруса, — обратился ко мне Всеволодъ Феликсовичъ — является «тюкъ». Это три связанныхъ вместе

стоянки, на которыя я уже указывалъ вамъ въ лавке. Къ *стоянке* на разстояніи маховой сажени другъ отъ друга привязываются *форшни*, тоненькія веревочки около 1/2 метра длиною. Къ концу *форшней* прикрепляются крючки. Вся эта снасть опускается на дно, такъ что получается нечто вроде нашего перемета. Такъ какъ въ каждой *стоянке* около 50 маховыхъ сажений, то на каждый *тюкъ* приходится около 150 крючковъ. Вотъ они пріехали съ промысла, ярусъ нужно распутать и привести въ такой видъ, чтобы онъ не путался и не затруднялъ работы при наживленіи.

Андрей и его товарищъ брали крючки яруса, такого же вида, какъ обыкновенные крючки для ужения, но только очень крупные, сантиметровъ 6—7 длиною, и какимъ-то особымъ узломъ привязывали ихъ остріе къ ихъ же форшнямъ. Я попытался сделать это, но мне не удалось. Всеволодъ Феликсовичъ «заглушилъ» одинъ крючокъ и показалъ мне особенность этого узла: стоило, держа крючекъ въ руке, дернуть за *форшень*, и узла какъ не бывало, крючекъ свободенъ, и его можно наживлять. Я былъ страшно радъ, когда и мне после ряда неудачныхъ попытокъ все же удалось завязать такой же узелъ.

— Что это говорилъ Григорій, — спросилъ я Всеволода Феликсовича, когда мы отошли отъ его избы, — «пойдемъ на песокъ» и «въ тихую воду»? Я не понялъ этихъ выраженій.

— Наживку ловятъ вонъ тамъ на песчаномъ наносе реки. «Ехать на песокъ» стало техническимъ терминомъ, это значить ехать ловить наживку. «Тихая вода» — это моментъ между приливомъ и отливомъ, когда вода, действительно, находится

въ спокойномъ состояніи. Въ это именно время и песчанка, и мойва, которыя составляютъ самую обычную наживку, подходятъ и держатся у берега.

Насъ поджидала шлюпка съ «Помора». Скоро мы были въ моей комнате, и фру Ингеборъ давала намъ обедъ. На первое — тресковая уха съ «воюксой», т.-е. печенью палтуса, на второе — какое-то довольно вкусное блюдо, состоящее изъ варенаго картофеля съ кусочками вареной трески. Сладкое блюдо у насъ было свое въ виде сухихъ фруктовъ для компота.

Я съ удовольствіемъ елъ треску; это очень вкусная нежная рыба, напоминающая несколько судака. Между темъ въ Петербургѣ, когда, бывало, хозяйка нашей студенческой квартиры готовила себе треску, то уже на лестнице стоялъ невозможный запахъ отъ этого блюда... Такая разница между свежей и соленой треской объясняется небрежностью русскаго засола. Въ Норвегіи мне приходилось есть и соленую, и сушеную треску, и никакого неприятнаго запаха я не замечалъ.

После обеда Всеволодъ Феликсовичъ рассказывалъ мне о своихъ работахъ на «Поморе», а я делился съ нимъ своими впечатленіями отъ плаванія на «Андрее Первозванномъ».